

которое лишь тогда будет понято, когда раскроется его связь с Тем, Кому мы обязаны этим существованием, т. е. с Богом.

Все же остальные пути — домыслы и теории, и, по словам апостола, «мерзость перед Господом». И если без хлеба не может прожить человек, то и одного хлеба для жизни недостаточно.

Sola Fide — только верою приближаемся мы к последней Тайне, и лишь приблизившись к Ней, можем спастись.

К. Д. ПОМЕРАНЦЕВ

Великий разумоборец

Как Мефистофель, всем постылый,
Упорным профилем, как черт, —
Рассудок, комик свинойрылый:
К вселенной пленной он простерт...¹

Андрей Белый

Если бы Лев Шестов дожил до наших дней, его наверное зачислили бы в модную категорию *contestataires* «оспаривающих», а его философию окрестили бы «антифилософией», за то, что он оспаривал право Разума на обладание вечными истинами и вместе с Паскалем предпочитал Бога пророков Богу философов. Философская мысль Шестова целиком направлена на разрушение не только классической — от Сократа до Гуссерля, проводя через Фому Аквината, Спинозу, Декарта, Лейбница, Гегеля... — философии, но на потрясение самих ее основ: всемогущего и непреклонного Разума, с его принудительными истинами и узаконенным им добром и злом.

Не было, кажется, в истории человеческой мысли такого яростного разумоборца, такого страстного защитника лютеревского «*sola fide*» («только верою»), каким был автор «Апофеоза бесконечности», «На весах Иова», «Афин и Иерусалима» и т. д. Даже сам Лютер, когда под конец жизни стал не только разрушителем католицизма, но и создателем протестантизма, был вынужден замалчивать большинство того, что открывалось ему в минуты озарения и толкнуло на борьбу с Римской Церковью.

Лев Шестов до конца жизни оставался верен своему «иерусалимскому свету», а в свете афинском видел лишь дьявольское наваждение и тьму, «не дерзающие подняться над автономным знанием и автономной этикой... безмолвно и безвольно склоняющиеся перед открываемыми разумом материальными и идеальными данностями и отдающие им на поток и разграбление “единое на потребу” и которые

не приводят человека к истине, а навеки от истины уводят» («Афины и Иерусалим»).

Потому-то Шестов и «дружил» с «частным мыслителем — Иовом», не склонившимся ни перед какими страданиями, но, наоборот, через страдания вернувшим вдвойне все, что потерял, с апостолом Павлом, который считал «разум человеческий — мерзостью перед Господом», с Платином за его «неистовые речи», с Дунсом Скотом, считавшим, что «человеческий интеллект ограничен и может познавать лишь то, что он абстрагирует из данных чувственного знания»², с Николаем Кузанским за его “*Docta ignorantia*” («Ученое незнание») ³, с тем же Лютером за его «только верую», с Паскалем за его «сердце, понимающее то, чего не понимает разум» («*le coeur a ses raisons, que la raison n'a pas*»), с Ницше за его «По ту сторону добра и зла», с Достоевским, открывшим, что «дважды два четыре есть уже не жизнь, а начало смерти», и в последний период своей жизни — с Киркегором за его поход против Гегеля и который стал его настоящей большой любовью.

В Киркегоре Шестов нашел единомышленника и союзника в борьбе с главным своим противником — Разумом, возведенным Гегелем в Абсолютный дух всеведующий и неумолимый. Это он, Абсолютный дух, создал мир железной необходимости, заключил в него человека и заковал его мышление в установленные им законы, перед которыми — утверждал Гегель — «должно оправдать себя даже содержание религий»⁴. Но как раз этого-то не хотели и не могли принять ни Киркегор, ни Шестов, они не хотели никакого Абсолютного духа и Абсолютного судьи, кроме Бога, для которого нет никаких законов и ничего невозможного. Не хотели они ограничиться лишь тем миром, в котором «все существующее разумно». Они жаждали прорваться в мир, лежащий по ту сторону разумности, по ту сторону рождения и смерти, добра и зла. И Лев Шестов с еще большим отчаянием, чем Серен Киркегор!

Но он знал, что «по ту сторону» тот мир не познается, как этот, но открывается, как он открывался древнееврейским пророкам и большим святым. Разум же только загромождает путь к такому «самооткрытию», воздвигая между человеком и тем миром непреодолимую стену общих понятий и общеобязательных истин. С тех пор как наши прародители предпочли древо познания древу жизни, с тех пор воздвигаемая на познании наука и ее двигатель — разум оторвали человека от истоков жизни и ввергли его в земное смертное существование. Не это, наше земное, существование благословил Господь, сказав — «Все хорошо зело», а бессмертную жизнь в раю. Поэтому, чтобы приобщиться к истинной жизни и победить смерть — нужно пройти обратный путь: от разума к жизни. Нужно победить объявивший себя непобедимым Разум.

И вот Лев Шестов вступает в страшную борьбу — в единоборство с Разумом. В единоборство в полном смысле этого слова, потому что

в первой половине нашего века, когда происходила борьба, он действительно был один. Но одиночество его не смущало. Наоборот, лишь прибавляло силы для борьбы. Сам же он писал: «...одиночество, глубже которого не бывает под землей и на дне морском, есть начало и условие приближения к последней тайне» («*Sola fide* — Только верою»). Приблизился ли он к ней? Думаю, что приблизился, но в самую тайну не проник. Почему?

Из-за своего, воистину, огромного ума. Героическая борьба Льва Шестова с Разумом была борьбой с самим собой. Шестов объявил непримиримую войну Разуму, пользуясь оружием своего собственного разума. Опровергая Сократа, Аристотеля, Фому Аквината, Спинозу, Декарта, Канта, Гегеля, Шеллинга (зачем тот позволил своим истинам властвовать даже над Богом?) ... страстно сражаясь против Гуссерля, которого знал лично и любил, Лев Шестов день и ночь — с юношеских лет и до последних дней — только то и делал, что воевал против самого себя и опровергал себя.

В каком-то смысле драма Льва Шестова была той же, что и драма Льва Толстого. Толстой тоже всю жизнь рвался к последней с большой буквы Истине (или тайне?), но какая-то сила мешала ему сделать последний шаг: он познал и страстно полюбил Иисуса, но прорваться к Христу не смог (или не решился?). Шестов всеми силами рвался к тайне Божественной Истины, но на последний шаг у него не хватило сил. Слишком огромен был его разум, не справилась с ним его воля.

Борьба за Божью Истину против «истины философов» есть борьба против Разума, а борьба против Разума есть борьба против Смерти: «вкусите от древа познания — смертью умрете». Это борьба за человеческое бессмертие, борьба за веру. Это стяжание веры, стяжание Святого Духа. Царство же Святого Духа, «Царство Божие, силой берется». Быть может, самой большой «силой», самым большим усилием над самим собой, какое должен был сделать Шестов, это — отказаться от своего ума. Но это легко сказать, но возможно ли осуществить? Шестов шел единственным возможным для него, для философа, путем — путем философии.

Таков был его жизненный путь, его дело в этом мире, его судьба. Быть может, на другом пути — религиозной аскезы или мистицизма — он достиг бы катарсиса, приобщения к Тайне. Но что знали бы мы о нем? Не существовало бы изумительной шестовской философии, не зародилось бы сомнения в тысячах и тысячах сердец, что их умозрительные истины, которые они называют «вечными и общеобязательными», не так уж вечны и совсем не общеобязательны, что родились они вместе с человеческим разумом, который для своего выражения принужден пользоваться заключенным в пространство и время человеческим мозгом и который, естественно, не может разумно помыслить ничего, что выходит за пределы пространства и времени.

Что же касается общеобязательности, то само собой разумеется, что в пространственно-временном «смертном континууме» (мое выражение), который сам-то образовался в результате вкушения от древа познания (т. е. грехопадения и низвержения человека из плана духовного в план материальный), они — эти истины — не только общеобязательны, но и принудительны: попробуйте их не признавать и им не подчиняться! Вот только существуют другие континуумы, другие планы и другие царства, на которые не распространяются ни их принуждения, ни их власть.

В эпоху грубого материализма и воинствующего безбожия Лев Шестов дал нам, его скромным последователям и ученикам, изумительное оружие для защиты человеческого достоинства и Божьего присутствия в мире и в человеке. Бердяев упрекал Шестова за «аристократичность» его философии, за ее малодоступность. И действительно, Лев Шестов требует от своих читателей огромной, чуть ли не такой, как его собственная, эрудиции. В наше время как будто нужно обращаться к массам, к низам, а не только к интеллектуальной элите. Безусловно. Но тот, кто обращается к массе, должен обращаться к ней во всеоружии знания и современной философской мысли. Для них и выступил со своей философской проповедью Лев Шестов. И в этом заключалась не только его философская, но и его социальная миссия. Потому что в современном мире социальное неотделимо от философского.

Ю. Б. МАРГОЛИН

Антифилософ

1

Лев Исакович Шварцман, в течение 40 лет писавший под именем Льва Шестова (первая книга его, «Шекспир и его критик Брандес», вышла в 1898 году; умер он 20 ноября 1938 года), занимает особое место в истории русской философской мысли. Отметим, прежде всего, что это был не только оригинальный мыслитель и ученый неакадемического типа, шедший своей дорогой, не изучавший философии под чьим-либо систематическим руководством, ум самостоятельный и вольный, блестящий и увлекательный писатель, книги которого будущие поколения в России оценят как долго скрытый от них клад. Стилль Льва Шестова непринужденный, почти разговорный, хотя он и предполагает у читателя высокий уровень образования, вплоть до знакомства в подлиннике с теми философами, о которых он пишет, имеет одно удивительное свойство: можно открыть любую его книгу